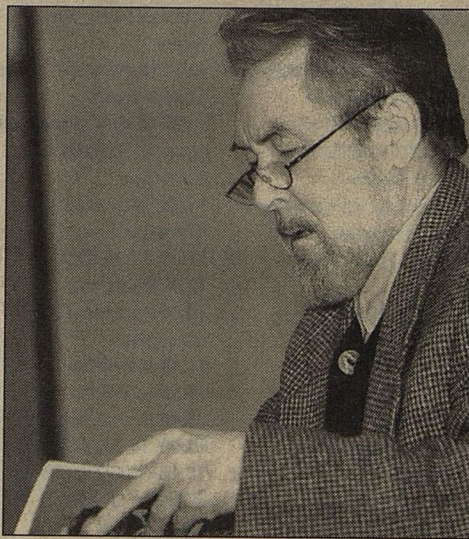

Время новостей -
2000. - 25 мая. - с. 7.

ПРЕМИЯ

Что ни день, то новая награда

Вчера лауреатом
стал Геннадий Айги,
завтра им будет Юрий Мамлеев

Геннадий Айги

Неожиданности в республике словесности редки. Как и предполагала наша газета, новорожденную премию имени Пастернака получил Геннадий Айги. Жюри во главе с Андреем Вознесенским сочло, что именно он воплощает поэтическую свободу, неотделимую от новаторства. Уроженец чувашской деревни, автор загадочных, порой аграмматичных верлибров, мировая знаменитость (Айги много переводят; догадаетесь, почему?), кандидат на Нобелевскую премию (слухи о выдвижении поэта циркулируют с завидной регулярностью много лет) действительно ее воплощает. Почти полвека назад — задолго до пастернаковской премии — поэт услышал благословение из уст самого Пастернака. К репутации Айги премия ничего не прибавит. Как ценили его устремленные к полному молчанию стихи редкие избранные, так и будут ценить. (Тут поневоле вспомнишь строки Пастернака: «Тишина, ты лучшее./ Из того, что слышал».) Как делали на Айги «свой бизнес» западные слависты самого разного уровня, так и будут. Как оставался поэт не расслышанным, так, похоже, и останется. Зато галочку поставили: мы тоже славим своего непризнанного гения. Если кому это и нужно, то литературскому истеблишменту, из всех сил старающемуся доказать свою «широту» и «продвинутость». Мало нам стопроцентно номенклатурного «Триумфа» — обзаведемся еще одним, только для поэтов. Назвать премию можно как угодно — настоящее имя все равно вылезет. Награда, которую получил Геннадий Айги, должна (и будет) называться премией Вознесенского. Так, ежегодную Пушкинскую премию, учрежденную германским Фондом Альфреда Тепфера, все давным-давно называют по имени первого лауреата, ставшего затем председателем жюри, — «Битов-прайс».

Юрий Мамлеев

Эту премию завтра вручат Юрию Мамлееву, прозаику стилистически весьма неровному, а тематически — редкостно монотонному (специализирующемуся на всякого рода «тихих ужасах»). Проблема тут не в «качестве письма». В конце концов есть у Мамлеева поклонники — и не только среди западных славистов. Просто совсем не за «качество письма» Мамлеев премию получает. (Как, на мой взгляд, и куда более значимый для истории словесности Айги.) За сложную биографию (Мамлеев испытал прелесть эмиграции), за «мистические мотивы», за весьма относительную «модность», за то, что раньше премий не давали. То есть опять-таки для галочки. Для утверждения давно сложившейся, всем известной и скучной иерархии. (Это не значит, что среди лауреатов не было действительно больших поэтов и прозаиков. Были. В одном ряду с «назначенными» на таковые должности.) Номенклатурные премии живут без мысли о реалиях русской словесности конца XX века. Вольно или невольно они, используя удачное выражение из последнего рассказа Маканина, «створоживают литературу».

Следствие — падение ее престижа, что бьет и по самому «генералитету». Так на смену слухам о том, что другую Пушкинскую премию («государственную для поэтов») поделят в этом году Константин Ваншенкин и тот же Вознесенский (видно, все еще недонаграждены), пришли вести о том, что поступят с ней по известному принципу «А не доставайся же ты никому!». И это в пору, когда стихи пишут Вера Павлова и Элла Крылова, Елена Шварц и Олеся Николаева, Инна Кабыш и Марина Кудимова, Тимур Кибиров и Владимир Салимон, Виталий Кальпиди и Михаил Айзенберг, Иван Жданов и Александр Шталов. Они пишут по-разному (и далеко не все мне близки). Но они поэты. Сегодняшние, а не вчерашние.

Впрочем, нынче объявят о рождении еще одной премии — «Дебют», что предназначена исключительно для литераторов моложе 25 лет. На вызов стареющего истеблишмента последовал достойный ответ молодых. И рассказывая после этого сказки, что искусство это не спорт, не конкурс «Алло, мы ищем таланты» и не совокупность оцепленных проволок гетто.

Андрей НЕМЗЕР